

Владимир Семкович

РУССКИЙ АКЦЕНТ

Что иммиграция делает с человеком

Владимир Семкович

Русский акцент. Что иммиграция делает с человеком

<https://litres.ru/74045401>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что остаётся от человека, когда он сменил страну?

Деньги можно заработать. Паспорт – получить. Дом – купить. Но акцент остаётся. И однажды оказывается: сменить страну легче, чем перестать быть человеком из неё.

Эта книга про то, что происходит после формально успешного переезда. Потеря статуса. Культурный шок. Депрессия и алкоголизм, о которых молчат. Дети, которые становятся другими людьми. Любовь и раздражение сразу к двум странам. Возвращение домой, иногда болезненное самого отъезда.

Опираясь на исследования и опыт русскоязычных диаспор, в книге показана иммиграция не как смена адреса, а как долгая трансформация личности под давлением новой среды.

Автор – иммигрант первого поколения, живущий в Австралии. Его первая книга «Семь знаков трансформации Запада» была посвящена структурным изменениям западного мира. Вторая – тому, что эти изменения делают с человеком.

Это книга о том, что невозможно перевезти через границу. И о том, что остаётся, когда всё остальное уже изменилось.

Содержание

Пролог. Чемодан, вокзал, аэропорт	5
Глава 1. Точка выхода	8
Глава 2. Три волны	16
Глава 3. Экономика надежды	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Русский акцент. Что иммиграция делает с человеком

Пролог. Чемодан, вокзал, аэропорт

Фрагмент 1. Момент отрыва

Человек в аэропорту. Или на вокзале. Или перед закрытой дверью опустевшей квартиры. Чемодан собран. Билет на руках. Решение уже принято, новая жизнь ещё не началась. Пауза между «там» и «здесь».

Гул самолёта. Или стук колёс. Или тишина – самая громкая тишина в жизни, когда ты последний раз обводишь глазами стены, которые были твоим домом, а теперь стали просто помещением.

Это момент, который знаком каждому, кто уезжал. И который может представить каждый, кто оставался.

Что происходит с человеком после того, как он пересекает границу? Не с его паспортом, не с его зарплатой, не с его адресом. С ним самим.

Фрагмент 2. О чём эта книга и почему она написана

Это не книга про иммиграцию как политическое или экономическое явление. Это книга про человека.

Про то, что происходит после формально успешного переезда. Про потерю статуса и культурный шок. Про депрессию и алкоголизм, о которых редко говорят вслух. Про детей, которые становятся другими людьми. Про двойную лояльность. Про возвращение домой, которое иногда болезненнее отъезда.

Иммиграция здесь – линза. Предмет – идентичность, язык, память, принадлежность, дом.

Мне довелось несколько раз менять место, которое называлось домом. Сначала внутри СССР: родился на Украине, вырос на космодроме Байконур в Казахстане. Потом внутри России: учеба в Петербурге, где я прожил следующие пятнадцать лет. Потом между странами: Австралия, где прошли следующие десять лет, опять Россия, и опять Австралия. Военные городки, питерские коммуналки, дом с видом на океан – и каждый раз позиция «своего среди чужих, чужого среди своих». Со временем я заметил, что каждый переезд меняет не только адрес. Он меняет человека настолько, что прежняя версия себя становится недоступной.

Эта книга – попытка описать, что именно происходит и почему. Она не пытается убедить вас уезжать или оставаться. Она пытается назвать вещи своими именами.

Когда-то и я стоял в точке выхода и думал, что всё решается просто: уехать или остаться. Спустя годы я понял, что настоящий вопрос был другим. Но чтобы к нему прийти, нужно было сначала пересечь границу.

Фрагмент 3. Для кого эта книга – и главный вопрос

Эта книга – для тех, кто уехал. Для тех, кто собирается уехать. И для тех, кто никогда не уедет, но хотя бы раз чувствовал себя чужим среди своих.

Потому что опыт отчуждения универсален. Иммиграция – лишь самая интенсивная его форма.

Люди часто спрашивают, была ли иммиграция успешной. Обычно они смотрят на паспорт, зарплату, дом. Но чем дольше я наблюдал за эмигрантами, тем чаще замечал: эти ответы не объясняют самого важного.

Можно получить всё и чувствовать себя потерянным.

Можно потерять многое и чувствовать себя дома.

Значит, вопрос сформулирован неправильно.

Ответа здесь нет. Ответ – в конце пути.

Мы начнём с вопроса, который кажется простым: почему люди уезжают? Но ответ окажется сложнее, чем кажется. Потому что решение уехать – это не конец истории. Это её начало.

Глава 1. Точка выхода

Почему два человека из одного города, с одинаковыми возможностями, принимают противоположные решения: один уезжает, другой остаётся?

Люди из одного города

Три ровесника. Один город. Одно поколение. Примерный возраст – 25–30 лет на момент принятия решения.

Первый уехал в Австралию. Инженер. Долго готовился: язык, подтверждение диплома, поиск работодателя. Уехал с планом, с рассчитанным бюджетом, с таблицей в Excel, где были расписаны первые два года. Он не бежал. Он строил.

Второй переехал в Москву. Тоже инженер. Тоже покинул родной город. Тоже прошёл через культурный шок, съёмное жильё, одиночество в большом городе. Он не пересекал государственную границу – но пересекал границу между мирами: регион и столица, знакомое и чужое, предсказуемое и неизвестное.

Третий остался. Работает на местном заводе. Живёт в квартире, доставшейся от родителей. Иногда думает: «А что, если бы я тоже?..» Но мысль эта приходит редко – и быстро

уходит. Иногда он смотрит фотографии знакомых, уехавших за границу. Но у него здесь семья, друзья, могилы предков, привычный маршрут от дома до работы. Он не несчастен. Он просто живёт.

Он не завидует и не осуждает. Ему интересно, как там у других, – но без тоски. Иногда он смотрит на фотографии бывших одноклассников, которые уехали, и думает: «Их жизнь стала шире, но стала ли она глубже?» У него нет ответа. Но он знает, что его собственная жизнь – глубокая. Она состоит из одних и тех же улиц, одних и тех же людей, одних и тех же ритуалов – и эта повторяемость создаёт плотность, которую эмигрант теряет. Он не лучше и не хуже. Он просто другой. И его решение остаться – такой же выбор, как решение уехать.

Почему при одинаковых стартовых условиях один уезжает за океан, другой – в столицу, а третий остаётся? Это не характер. Это не смелость. Это механика.

Разрушение мифа

Мы любим объяснять такие решения характером. Один смелый. Второй амбициозный. Третий осторожный. Или наоборот: один – предатель, второй – авантюрист, третий – верный. Родители говорят: «Он у нас всегда был рискованным». Друзья комментируют: «Кто смел, тот и съел». Общество навешивает ярлыки: «утекают мозги», «понаехали», «где ро-

дился, там и пригодился».

Но исследования показывают, что реальные причины обычно гораздо прозаичнее. И гораздо интереснее [1]¹.

Решение об эмиграции – не подвиг и не предательство. Это не тест на патриотизм и не экзамен на смелость. Это результат конкретного сочетания сил, действующих на человека в конкретный момент его жизни.

Модель: push-pull как механика

Классическая теория миграции описывает решение об отъезде через два типа факторов. Push – то, что выталкивает. Pull – то, что притягивает [2]².

Push-факторы разнообразны. Экономические: низкие

¹ Lee, E. S. (1966). A theory of migration. *Demography*, 3(1), 47–57. Классическая работа, в которой Эверетт Ли впервые систематизировал push-pull теорию миграции. Ли показал, что решение о миграции определяется не только объективными факторами в стране исхода и стране назначения, но и субъективным восприятием этих факторов, а также промежуточными препятствиями и личными характеристиками мигранта. Полезна для обоснования центрального тезиса главы: два человека в одинаковых условиях принимают разные решения – и разница не в реальности, а в оптике.

² Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., & Taylor, J. E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*, 19(3), 431–466. Обзорная статья, обобщающая основные теории международной миграции. Авторы показывают, что не существует единой универсальной теории: разные дисциплины – экономика, социология, антропология – выделяют разные факторы. Полезна для обоснования тезиса о множественности мотивов: решение уехать никогда не сводится к чему-то одному.

зарплаты, отсутствие карьерного роста, невозможность заработать на жильё честным трудом. Социальные: отсутствие лифтов, закрытость элит, ощущение, что от тебя ничего не зависит и твой голос ничего не решает. Личные: чувство, что здесь ты не вырастешь, что твои ценности не совпадают с ценностями среды, что ты задыхаешься. Экстремальные: война, репрессии, экологическая угроза.

Pull-факторы тоже разнообразны. Экономические: выше зарплаты, больше возможностей, прозрачнее правила игры. Социальные: работающие институты, предсказуемость, безопасность. Личные: образ страны как места, где ты сможешь быть собой, где твои навыки востребованы, где ты не будешь вечно чужим.

Но вот что важно. Push и pull – не объективные факты. Это субъективное восприятие. Два человека живут в одном городе, в одинаковых условиях. Один видит только push: «Здесь всё плохо, здесь нет будущего». Второй видит только удерживающие факторы: «Здесь моя семья, мой язык, мои друзья, мой привычный мир».

Два человека могут жить в одном городе и видеть разные страны.

Разница не в реальности. Разница в оптике.

Одни и те же обстоятельства – низкая зарплата, плохие дороги, коррупция – для одного становятся невыносимыми, для другого – привычным фоном. Дело не в объективной тя-

жести условий. Дело в том, как человек их воспринимает – и с чем сравнивает.

Именно поэтому решение уехать или остаться почти никогда не бывает чисто рациональным. Это сложный коктейль из обстоятельств, ожиданий, страхов, надежд и случайностей. Человек может годами думать об отъезде – и не уехать. А может решиться за неделю – под влиянием одного разговора, одной новости, одной ссоры.

Есть момент, о котором редко говорят. Не причины, не расчёт, не страхи. А сам момент, когда решение становится необратимым.

Человек закрывает ноутбук после подачи заявления на визу – и несколько секунд сидит неподвижно. Или вешает трубку после разговора с работодателем из другой страны – и смотрит в стену. Или нажимает «оплатить» на сайте авиакомпании – и чувствует, как что-то внутри обрывается и одновременно завязывается заново.

Это не радость. Это не страх. Это странное, почти телесное ощущение: всё, назад дороги нет. Или есть – но ты знаешь, что не вернёшься. Не потому что не сможешь. А потому что решение уже изменило тебя, и ты ещё не знаешь, кем ты станешь на другом конце.

Что на самом деле потеряно

Кажется, что на этом этапе человек теряет только стабиль-

ность. Привычный уклад. Понятное будущее. Он ещё ничего не приобрёл взамен – он только решился на перемены.

Но на самом деле потеря глубже. Он теряет право не выбирать.

Пока ты остаёшься, ты можешь не принимать решение. Ты плывёшь по течению – работа, семья, привычки, маршруты. Течение несёт тебя, и это нормально. Большинство людей так живут.

Решение уехать – это выход из течения. Ты говоришь: «Я выбираю». И с этого момента ты отвечаешь за последствия. Ты больше не можешь сказать: «Так сложилось». Ты сам сложил. Это свобода. Но это и груз. Груз, который останется с тобой навсегда.

Что приобретено

Способность выбирать осознанно. Большинство людей никогда не принимают решения такого масштаба. Они живут там, где родились, работают там, где устроились, общаются с теми, кто оказался рядом. В этом нет ничего плохого. Но в этом нет и выбора – это течение. Решение уехать – это первый по-настоящему взрослый поступок для многих. Ты говоришь: «Я сам». И после этого ты уже не можешь притворяться, что в жизни всё происходит само по себе. Ты знаешь: ты её автор. Это знание – тяжёлое, но оно же – освобождающее.

То же самое происходит при любом большом решении. Сменить профессию. Развестись. Завести ребёнка. Пере-

ехать в другой город. В какой-то момент ты перестаёшь быть пассажиром и становишься водителем. И это страшно. Но это единственный способ двигаться.

Вывод: универсальность механизма

Три человека из одного города – три решения – один механизм.

Первый – классическая внешняя эмиграция. Push-pull работает через государственную границу. Второй – внутренняя миграция. Тот же механизм, меньшая дистанция. Push – отсутствие перспектив в регионе. Pull – Москва как центр возможностей. Третий – решение остаться. Это не характер. Это конфигурация обстоятельств: удерживающие факторы – семья, имущество, страх перемен – перевесили push.

Вывод, важный для всей книги: решение уехать – не результат особого характера и не моральный выбор между патриотизмом и предательством. Это результат конкретного сочетания сил, действующих на человека в конкретный момент его жизни. Сил, которые он далеко не всегда осознаёт и ещё реже контролирует.

Это первый, практический уровень чтения. Читатель, думающий об отъезде, может проанализировать свои push и pull – и понять, что им движет на самом деле. Читатель, который никогда не уедет за границу, может узнать механизм: он уже срабатывал в его жизни при переезде в другой город

или при ощущении несовпадения со средой.

Большинство историй об эмиграции заканчиваются на посадке в самолёт. Наша начинается после приземления. Потому что решение уехать – это не кульминация истории. Это её первая страница.

Глава 1. Список ссылок

Глава 2. Три волны

Почему каждое поколение эмигрантов считает свой опыт уникальным – и ошибается?

Три чемодана из трёх эпох

Три образа – не развёрнутые биографии, а короткие зарисовки, чтобы увидеть время.

1880-е. Крестьянин из-под Полтавы. Три неурожая подряд. Сосед прислал письмо из Америки: «Земли много, работы много». Он продаёт всё, что нельзя унести, садится на пароход. Не знает английского. Никогда не видел карты мира. Прощается с родителями – и знает: это навсегда. Многие из тех, кто уезжал в ту эпоху, прощались с родителями навсегда и знали это заранее.

1960-е. Инженер из Бомбея. Британская империя распалась, но английский остался. Британия зовёт: нужны рабочие руки. Он приезжает с чемоданом и адресом общежития. На стене вешает календарь. Через пять лет он собирается вернуться домой. Через тридцать лет этот календарь всё ещё лежит где-то в шкафу – пожелтевший, забытый, но не выброшенный.

2020-е. Айтишник из Петербурга. Удалённая работа, ре-локационный пакет, чат в телеграме «наши в Берлине». Он выбирает страну по рейтингу стартап-экосистем. Граница для него – не пароход и не заводская проходная. Граница – строчка в аэропортовом табло.

Три эпохи. Три чемодана. Одна механика – но разный мир вокруг.

Вопрос-связка

Что объединяет крестьянина XIX века, инженера XX века и программиста XXI века?

На первый взгляд – ничего.

На самом деле все трое реагируют на один и тот же сигнал: где-то появилась возможность жить иначе. Меняются эпохи, транспорт, технологии, законы. Но базовая ситуация остаётся неизменной: человек снимается с места и отправляется в неизвестность, потому что там, в неизвестности, ему видится шанс на другую жизнь.

Модель: три волны как три контекста

Личное решение об эмиграции никогда не принимается в пустоте. Человек выбирает сам – но возможность выбора создаёт эпоха. Три большие миграционные волны последних двух столетий задали три разных контекста, в которых мил-

лионы людей принимали свои решения.

Первая волна: XIX– начало XXвека. Европа → Новый Свет.

Масштаб: около 55–60 миллионов человек покинули Европу между 1840 и 1914 годами [1]3³. Драйверы: индустриализация, аграрное перенаселение, транспортная революция – пароходы и железные дороги сделали перемещение через океан относительно доступным. Логика: «там земля, здесь голод». Эмиграция как клапан, выпускающий избыточное население.

Что это значило для человека: билет в один конец. Письмо шло месяц. Новости – с опозданием в несколько недель. Многие знали, что больше никогда не увидят родителей. Эмиграция была не просто переездом – она была формой прощания с прежней жизнью навсегда. Терялось почти всё: язык оставался только внутри семьи, культура – только в памяти, связи с родиной – только в виде писем, которые приходили всё реже.

Вторая волна: середина XXвека. Деколонизация + гастарбайтеры.

³ Hatton, T. J., & Williamson, J. G. (1998). The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact. New York: Oxford University Press. Классическое исследование первой миграционной волны XIX – начала XX века. Авторы оценивают масштаб исхода из Европы в 55–60 миллионов человек и анализируют экономические драйверы: разрыв в доходах между Старым и Новым Светом, аграрное перенаселение, падение транспортных издержек. Полезна для обоснования тезиса о том, что первая волна была прежде всего экономическим явлением и что эмиграция тогда означала практически полный разрыв с родиной.

После Второй мировой войны восстановление Европы потребовало рабочих рук. Турки – в Германию. Алжирцы – во Францию. Индийцы и пакистанцы – в Британию. Выходцы из Карибского бассейна – туда же.

Логика была проста: «Мы их звали – они приехали». Но звали временно. Предполагалось, что через несколько лет они вернутся. Они не вернулись. Временные рабочие стали постоянными жителями, а потом – гражданами. Принимающие общества не планировали этого – и это создало напряжение, которое тянется до сих пор [2]⁴.

Что это значило для человека: он ехал не навсегда – но остался навсегда. Он ехал заработать – и обнаруживал, что выросли дети, которые не знают его родного языка. Он жил между двумя мирами: здесь работа, там – дом. Дом постепенно становился воспоминанием. Дети становились гражданами новой страны – и часто стыдились родителей.

Третья волна: конец XX– XXIвек. Глобализация + кризисы + цифра.

Распад СССР в 1991 году запустил одну из крупнейших миграционных волн современности. Двадцать пять миллио-

⁴ Castles, S., & Miller, M. J. (2009). The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World (4th ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan. Наиболее авторитетный обзорный учебник по международной миграции. Авторы прослеживают историю миграционных движений от эпохи колониализма до глобализации, включая вторую волну (гастарбайтеры и деколонизация) и третью волну (кризисы, цифровизация, транснационализм). Полезна для обоснования тезиса о трёх волнах и о том, что контекст эмиграции определяется не личным выбором, а исторической эпохой.

нов человек проснувшись за границей, не пересекая её. Империя исчезла – и люди, которые считали себя частью единой страны, вдруг оказались гражданами разных государств. Русский инженер в ставшем независимым Казахстане. Русская учительница в Эстонии. Семья, разделённая новой границей между Украиной и Россией. Это не эмиграция в классическом смысле: граница пересекла их, а не они границу. Но опыт отчуждения – тот же. Ты живёшь в том же доме, ходишь по тем же улицам, но воздух стал другим. Ты вдруг оказался иностранцем в собственном городе.

Затем последовали волны 1990-х: экономический исход из бывших республик. 2000-х: стабилизация в России и встречный поток. 2010-х: политическая эмиграция. 2022 года: самая массовая волна со времён распада СССР. Каждая со своей логикой, но все – часть одного процесса.

Одновременно – кризисы и войны в других частях мира: Сирия, Афганистан, Венесуэла, климатические мигранты. И одновременно – цифровые кочевники, для которых удалённая работа открыла возможность жить где угодно.

Логика третьей волны сложнее: мир открылся – но начал закрываться обратно. Границы стали проницаемыми для информации и капитала, но для людей – всё более избирательными [3]⁵.

⁵ Massey, D. S., Durand, J., & Malone, N. J. (2002). *Beyond Smoke and Mirrors: Mexican Immigration in an Era of Economic Integration*. New York: Russell Sage Foundation. Исследование мексиканской миграции в США, показывающее, как экономическая интеграция создаёт миграционные потоки независимо от поли-

Что это значит для человека: миграция перестала быть билетом в один конец. Связь с родиной постоянна – интернет, мессенджеры, социальные сети. Полтавский крестьянин мог дожидаться новостей из дома месяцами. Айтишник в Берлине получает их через секунды. Родина теперь помещается в карман. Это исторически новая ситуация: эмигрант впервые может физически жить в одной стране и эмоционально ежедневно присутствовать в другой. Идентичность больше не удваивается – она множится. Но и спрятаться от родины теперь невозможно: она всегда с тобой, в уведомлениях, в новостной ленте, в комментариях.

Вывод: ты не начинаешь историю с нуля

Три волны – три отношения с родиной.

Первая волна: родина потеряна. Вторая: родина разделена. Третья: родина всегда рядом.

И здесь возникает неожиданный парадокс. Чем проще стало поддерживать связь с родиной, тем сложнее стало её покинуть психологически. Полтавский крестьянин, садясь на пароход, знал: он теряет почти всё. Но он знал это сразу – и мог оплакать потерю. Айтишник в Берлине не теряет ничего: родина в кармане, друзья в чате, новости в ленте. Но

тических барьеров. Полезна для обоснования тезиса о том, что миграционные волны часто порождаются структурными факторами, которые не контролируются ни мигрантами, ни правительствами.

именно поэтому он не может завершить процесс расставания. Он уехал – но не уехал. Он здесь – но и там тоже. Это амбивалентное состояние тянется годами и становится питательной средой для всего, о чём пойдёт речь в следующих главах: для шока, для масок, для невозвращения.

Каждое поколение считает свою эмиграцию уникальной. Крестьянин XIX века был уверен, что мир меняется беспрецедентно. Турок в Германии в 1968 году – тоже. Айтишник в Берлине сегодня – тоже. Но задним числом видно: люди редко уезжают только из-за голода, только из-за денег или только из-за войны. Почти всегда решение рождается на пересечении личного и исторического. Эпоха открывает дверь. Человек решает, войти ли в неё.

Масштаб этих волн трудно вообразить. В пик первой волны из Европы уезжало по миллиону человек в год – это как если бы целый средний город снимался с места ежегодно в течение десятилетий. Сегодня в мире около двухсот восьмидесяти миллионов человек живут вне страны своего рождения. Если бы они собрались в одно государство, это была бы четвёртая по величине страна мира – после Индии, Китая и Соединённых Штатов.

Но цифры ничего не говорят о конкретном человеке на пароходе, в общежитии или в аэропорту. История предлагает возможность. Дальше начинается личное.

Выбор делает человек. Возможность выбора создаёт эпоха.

Ты не начинаешь историю с нуля. Но решение – твоё.

Что на самом деле потеряно

Кажется, что эмигранты разных эпох теряли разное. Крестьянин – землю. Гастарбайтер – родину. Айтишник – привычную среду.

Но на самом деле все они теряли одно: иллюзию, что их жизнь вписана в большую историю.

Человек, который живёт на одном месте, чувствует себя частью непрерывного потока. Его родители здесь жили, его дети здесь будут жить. Он – звено в цепи. Эмиграция разрывает эту цепь. Ты больше не звено. Ты – отдельная точка. Твоя история началась заново. Твои дети будут жить в другой истории. Связь поколений, которая раньше была физической – земля, дом, могилы предков, – становится абстрактной.

Это потеря исторической укоренённости. Её нельзя измерить. Но её чувствуют все – и крестьянин XIX века, и программист XXI.

Что приобретено

Свобода от предопределённости. Когда цепь поколений разорвана, ты больше не обязан продолжать то, что начали предки. Ты не должен работать на той же земле, исповедовать ту же веру, жить в том же городе. Ты можешь выбрать свой путь – не из бунта, а из свободы. Это одиночество, да. Но это и простор. Ты стоишь не в цепочке. Ты стоишь на от-

крытом поле. То же самое чувствует человек, который первым в семье получил высшее образование и уехал в большой город. Или тот, кто отказался от семейного бизнеса и пошёл своим путём. Или тот, кто порвал с религиозной традицией предков. Разрыв цепи – это всегда больно. Но иногда это единственный способ стать собой.

История создала возможности. Но история не покупает билет. В какой-то момент человек открывает таблицу в Excel, смотрит на цены, зарплаты, налоги и начинает считать. Так начинается экономика надежды.

Глава 2. Список ссылок

Глава 3. Экономика надежды

Можно ли посчитать счастье в Excel?

Три человека – три расчёта

Трое. Каждый строит экономическую модель будущего до отъезда.

Инженер, едет в Канаду. Считает: зарплата будет в четыре раза выше. Аренда – съедать половину, но половина от канадской зарплатy – это целая российская. Он вёл таблицу несколько месяцев: подбивал цифры, сравнивал города, читал форумы. Рациональный выбор. Он уверен: экономика примет его так, как он ожидает.

Медсестра, едет в ОАЭ. Знает: налога на доход нет. Через пять лет купит квартиру. Минус – гражданство не дадут никогда. Но пять лет изменят всё. Она не строит иллюзий насчёт долгого будущего. Она строит расчёт на короткую дистанцию.

Предприниматель, едет в Австралию. Балльная система, учёт квалификации. Он набрал ровно столько баллов, сколько нужно. Уверен: его ждут. Он ещё не знает, что его диплом не будет признан автоматически и что «набранные баллы» и

«найденная работа» – это два разных события, разделённых месяцами или годами.

Три расчёта. Три стратегии. И одна общая иллюзия: экономика примет меня так, как я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.